

Былины как источник по гендерной истории Древней Руси

Капорина Юлия Витальевна, студент
Кубанский государственный университет

В статье рассматриваются перспективы использования былин в качестве источника для гендерных исследований по истории Древней Руси. На основе анализа нескольких былин делаются выводы об истории повседневности древнерусских женщин, их социально-правовом положении и реконструируются биографические данные о последних годах жизни княгини Евпраксии Всеволодовны.

Ключевые слова: былины, гендер, история Древней Руси, история женщин, Евпраксия Всеволодовна.

Интерес к фольклорному наследию Древней Руси появился в русском обществе во второй половине XIX века. Уже в 1861 году в свет выходит сборники песен П. Киреевского и П. Н. Рыбникова, в 1871 году А. Ф. Гильфердинг собирает былины Онежья, в 1876 году издается первый свод былин Киевского цикла, собранный В. П. Авенариусом, в 1902-м он же публикует «Книгу былин» [1, 2]. К XIX веку относятся и первые научные исследования русского эпоса, среди которых стоит особенно подчеркнуть работы В. Ф. Миллера. Собрание и анализ былин продолжился в XX веке. Таким образом, былины вот уже полвека присутствуют в научном обороте, однако стоит отметить, что их использование в качестве источника по истории Древней Руси развито слабо. Из этой тенденции выпадают работы Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, В. Я. Проппа, соединивших историю и былинный эпос. В целом, исследование былин передано в область фольклористики и литературоведения.

Однако, на наш взгляд, былины представляют собой прекрасный и малозученный источник по истории повседневности и гендерной истории Древней Руси. Примечательно, что в трудах таких крупных отечественных исследовательниц по гендерной истории России как Л. Е. Морозова [6] и Н. Л. Пушкарева [7, 8] этот источник также был проигнорирован.

Былины являются достаточно сложным и многогранным источником: во-первых, из-за их видового разнообразия, во-вторых — из-за трудности датировки, в-третьих — из-за локальных особенностей. Относительно характера содержащихся в былинах информации учеными высказывались разные мнения. Согласно одному из них, былинные тексты в большей мере воспроизводят идеологические ориентиры и мировоззренческие нормы средневековой Руси, чем передают последовательную и достоверную информацию о событийной истории [4, с. 42]. Но само разнообразие сюжетных линий и персонажей былин, заставляет усомниться в данном положении. На наш взгляд, в данном виде источника имеет место пересечение языческих верований восточных славян, поучительной литературы, исторических событий Древней и Средневековой Руси и отражение реалий повседневной жизни общества допетровского периода.

Датировка русских былин представляет отдельный вопрос. Вся его сложность объясняется тем, что былины

многослойны и монолитны одновременно. Отдельные детали, по которым былины могут быть ошибочно отнесены к более позднему периоду, добавлялись сказителями в разные эпохи, чтобы сделать их более понятными слушателю, не нарушая при этом содержательной канвы. Нам близка точка зрения М. С. Родионова, сделавшего вывод, что былины Киевского цикла сформировались в конце X — первой трети XIII века [9, с. 67]. Рассматривая былины, исходя из учения об информационном поле, можно сделать вывод, что исследуемые нами былины были созданы в княжеско-дружинной и купеческой среде X—XIII веков и отражали реалии повседневной жизни этих социальных групп.

Несмотря на то, что былины традиционно сравнивают с рыцарским эпосом европейского Средневековья и видят в них только сказания о богатырях, они запечатлели многие стороны жизни древнерусских женщин. В первую очередь, это касается их социально-правового положения.

Даже беглое знакомство с былинами показывает исключительное положение матерей в древнерусском обществе. Женщина-мать фигурирует в них под обращениями «сударыня-матушка» и «честна вдова». Былина стремится донести до нас имя матери героя, часто с отчеством: Офимья Александровна, Амелфа Тимофеевна, Офимья Мусова жена, Авдотья Блудова жена, Ненила. Переоценка образа матери показывает значимость этой социальной роли в обществе. Уважаемая вдова — самый популярный женский персонаж в былинах. На княжеских пирах принято «хвалиться» не только богатством и удачей, но и матерью. Былина «Хотен Блудович» показывает, что статус женщины был равен статусу мужчины и зависел от положения в обществе её мужа и её самой. Женщины могли присутствовать на княжеском пиру, где им оказывались такие же почести, как и мужчинам, исходя из их общественного положения:

«Мне-ка место от князя всё было по вотчинам;
Меня пивным стаканом не облюбили,
И чары с зеленым вином да всё в доход дошли;
И не пьяница и не надсмеялся,
Ни безумица не навалилася,
Ни невежа не нашла и небылым словом».

Однако, скорее всего, это положение относилось только к замужним женщинам и вдовам. Так, былинку «Хотен Блудович» открывает сцена ссоры двух вдов

на пиру, причем, есть упоминание, что другие женщины на нем не присутствовали. Князь, по-видимому, являлся покровителем богатых и знатных вдов, к которому они обращались как к третьей судьбе.

В былинах вдовая женщина выступает субъектом права: она владеет имуществом, заключает сделки, может нанять дружинника и сама определять, кто станет воеводой, решает судьбу детей. Офимья Чусова жена делает девятерых сыновей воеводами и отправляет их сражаться против их воли, а красавицу-дочь Чейну сначала отказывается выдавать замуж, потом выкупает её браком сыновей.

Во многих былинах именно матери выступали первыми советчицами сыновей-героев, к советам которых зачастую прислушивались. Богатырь-отрок Михайло Данилович, перед тем как уйти на войну, сначала приходит за советом к матери, и только потом к отцу — старому богатырю, ушедшему в монастырь [3, с. 59]. Вдова Амелфа Тимофеевна отсрочила свадьбу сына на княжеской племяннице, дав ему совет, увеличить богатство заморской торговлей [3, с. 98]. В былинке «Вавила и скоморохи» сама необходимость для героя заниматься земледелием объясняется его желанием «родню матушку кормить» [3, с. 140–141]. Перед тем, как уйти со скоморохами, Вавила приводит их к матери, она же отпускает сына, только убедившись, что перед ней святые. Один из вариантов былинки заканчивается счастливым воссоединением матери и сына:

«Посадили тут Вавилушку на царство,

Он привез ведь тут да свою мать» [3, с. 146].

Былину о «Добрыне Никитиче и Змее» открывает сцена, в которой Офимья Александровна наставляет сына не купаться «во Пучай-реке». Ослушавшись мать, Добрыня проиграл первую схватку со Змеем, но мать выступила доброй советчицей, которая помогла ему одолеть Змея [3, с. 15, 20].

Положение жен было почти таким же высоким, как и у вдов и матерей. Однако к молодым женам традиционно относились с некоторым недоверием. На княжеских пирах гости похвалялись сначала матерями, а потом женами, но сказители всегда делали интересную оговорку:

«Иной хвастает родной матушкой,

А безумный хвастает молодой женой» [3, с. 105].

Пожалуй, самой знаменитой «молодой женой» древнерусских былин является Василиса Микулична из былин о Ставре Годиновиче. Из этой многовариантной былинки мы узнаем, что жена принимала участие в делах мужа, могла нанять дружинника, распоряжаться имуществом супруга. По-видимому, женщина хоть и могла нанять дружинника, но не могла сама возглавлять её. Поэтому Василисе Микуличне пришлось остричь волосы и одеть «платье молодецкое», назвавшись Василием Микуличем. Интересно и то, что Ставр Годинович на пиру хвалил не столько красоту и целомудрие молодой жены, сколько её ум, что дает нам информацию об идеальном женском образе Древней Руси [3, с. 106–107]. В былинке превозносится ум и верность женщины, которые могли цениться в обществе XI–

XIII веков больше, чем христианский идеал красоты и непорочности. Женщина, не смирявшаяся и не молящая князя отпустить супруга, а деятельная и хитрая — вот Добрая жена XII века.

Положение незамужней женщины, особенно из высших слоев общества, в Древней Руси, также отличалось свободой, немыслимой для второй половины XVI–XVII веков. Княжеская племянница Забава Путьична из былинки «Соловей Будимирович» имела свою земельную собственность, пусть и находящуюся под опекой князя, имела свой двор, соответствующий её положению [3, с. 94–96]. Вопрос о заключении брака в Древней Руси всегда решался совместно с девушкой-невестой. Это подтверждает не только летописная история Рогнеды, но многочисленные былинки, такие как «Соловей Будимирович», «Хотен Блудович», «Ставр Годинович». Характерен ответ князя из былинки о Ставре Годиновиче: «Я схожу-пойду — с дочерью подумаю» [3, с. 112]. Былина о Соловье Будимировиче показывает, что девушки из высших слоев древнерусского общества иногда сами делали предложение своим женихам [3, с. 100; 2, с. 87]. Замужество девушки также в некоторой степени зависело от её статуса: девушка из княжеско-дружинной среды не могла быть выдана замуж за человека ниже себя по положению против своей воли.

В былинке «Глеб Володьевич» содержится уникальный образ для русских былин — образ женщины-правительницы Маринки Кайдаловны. Это безусловно отрицательный персонаж, проводивший грабительскую фискальную политику. Былина интересна тем, что локализуется в Тмутараканском княжестве, а Глеб Володьевич соединил в себе два исторических князя, связанных с Тмутараканью: святого князя Глеба Владимировича, чей старший брат Мстислав с раннего детства проживал в Тмутаракани с их общей матерью, позже стал князем Тмутараканским и там же был отравлен, и Глеба Святославича, оставившего миру знаменитый Тмутараканский камень и совершившего совместный поход с Владимиром Мономахом в 70-х годах XI века в Тмутаракань против притеснений русской торговли.

Былины предоставляют историку не только информацию о социально-правовом положении женщин Древней Руси, но и являются сокровищницей сведений по истории повседневности. Так, один из вариантов былинки о Хотене Блудовиче содержит информацию о таком предмете женского гардероба как чулки. Офимья, купеческая дочь, ходит по терему «а в одной тонкой рубашке без пояса, а в одних тонких чулочках без чоботов». В холодное время года женщины, по всей видимости, носили длинные теплые чулки, вязанные иглой из шерстяных ниток. Упоминание о таких чулках находим у А. В. Арциховского: «найлены в женском погребении хорошо сохранившиеся остатки чулок. Чулки эти доходили выше колен и были, по замечанию, А. И. Черепнина, вязаны из очень толстых и грубых шерстяных ниток, на одной спице, накидной петлей, окрашены в красный цвет» [5, с. 139].

Богата на детали былина о Соловье Будимировиче. В ней содержатся ценные сведения о внутреннем убранстве богатого дома: упоминаются «окошечки косячатые», росписи стен и потолков, имевшие «небесные» сюжеты: месяц, звезды, заря, «красота поднебесная» [2, с. 86–87]. В былинке упоминается дорогая малиновая ткань — камка с «хитрым узором», состоящим из «хитрости были Царя-града, а и мудрости Ерусалима, замыслы Соловья Будимировича; на злате, на серебре — не погнется» [3, с. 93]. Возможно, эта ткань была приобретена в Византии и содержала христианскую символику.

Один из вариантов былинки о Добрыне и Змее содержит сведения об обращении княжеской верхушки к былинам — знахаркам, гадающим на травах [3, с. 18, 25]. В былинке о Садко упоминается ритуал встречи женщиной своего супруга поцелуем [3, с. 134].

Былины дают представление об умениях, которыми владела женщина. Василиса Микулична и Маринка Кайдаловна умеют ездить верхом, Василиса еще и стреляет из лука, занимается борьбой. Поляницы русских былин ничем не уступают богатырям. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что женское образование в Древней Руси мало отличалось от мужского, и, возможно, включало элементы военной подготовки.

Древнерусские былины, особенно былины Киевского цикла, содержат информацию о последних годах жизни Евпраксии Всеволодовны — уникальной фигуры европейской истории последней четверти XI века. Она была младшей сводной сестрой Владимира Мономаха, но с ранней юности проживала в Европе. Она стала женой Генриха IV, императора Священной Римской империи и сыграла самую трагичную и тяжелую роль в войне Генриха IV против папства, названной «борьбой за инвеституру». Ее имя также связано с объявлением Первого крестового похода. Последние годы бывшей императрицы полны белых пятен. Согласно европейским хроникам и русским летописям, Евпраксия Всеволодовна вернулась в Россию. А в былинах Киевского цикла появлялась княгиня Апраксея, Апракса-королевична, постоянная спутница

князя Владимира. Богатыри и торговые гости от Алеши Поповича до Михайлы Даниловича отдают ей почет «особенно», преподносят подарки, как Соловей Будимирович. Княгиня Апраксея принимала участие в свадьбах, особенно своих родственниц, как в былинке о Соловье Будимировиче [3, с. 99]. В одном из вариантов былинки об Алеше Поповиче и Тугарином Змее приводится интересный сюжет о любви княгини Апраксея к Тугариному Змеевичу, убийство которого Алешей Поповичем приносит облегчение князю Владимиру и вызывает упреки княгини [3, с. 46, 50–51]. В былинке о Ставре Годиновиче также упоминается княгиня Апраксея, что дает основание предположить, что еще в 1118 году она была жива и находилась при дворе брата. Но, согласно летописным источникам, она умерла в 1109-м [6, с. 288]. Нет сомнения, что Евпраксия Всеволодовна заняла достойное положение при дворе брата Владимира Мономаха, активно принимая участие в пирах, свадьбах, присутствуя при приеме послов. Возможно, имел место роман с человеком ниже себя по статусу, что оскорбляло князя Владимира Мономаха.

В данной статье была предпринята попытка показать перспективы изучения былин в контексте гендерных исследований по истории Древней Руси. На основе исследования нескольких древнерусских былин нами были сделаны следующие выводы. Во-первых, былины являются прекрасным и малоизученным источником по гендерной истории Древней Руси. Во-вторых, несмотря на многослойность содержания и трудность датировки былинных текстов, необходимо признать, что древнерусские былины, в основном, были сформированы в эпоху Древней Руси (X–XIII вв.) и зафиксировали реалии повседневной жизни, характерные для княжеско-дружинной и купеческой социальных групп. В-третьих, былинные тексты в контексте гендерных исследований могут дать информацию об истории повседневности древнерусских женщин, их социально-правовом положении. Былины также содержат биографическую информацию, способную пролить свет на последние годы жизни княгини Евпраксии Всеволодовны.

Литература:

1. Авенариус, В. П. Книга былин. М., 1902. — 419 с.
2. Авенариус, В. П. Книга о киевских богатырях. Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса. СПб., 1876. — 338 с.
3. Былины: «Как Добрыня победил Змея» и другие истории. СПб., 2014. — 160 с.
4. Конча, С. В. Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. - № 4. — с. 42–55.
5. Кузьмина, О. В. Женский новгородский костюм в XIV–XV вв. Обзор источников // Вестник Псковского государственного университета. Псков, 2013. - № 2. — с. 138–145.
6. Морозова, Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009. — 543 с.
7. Пушкарева, Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. — 286 с.
8. Пушкарева, Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2014. — 216 с.
9. Родионов, М. С. Информационное поле былин киевского цикла // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009. - № 17. — с. 64–70.